

ББК 86.372
УДК 27-9
Б95

Бычков С. С.

Б95 Страдный путь архимандрита Тавриона. — М.: Издательство «Тэтис Паблишн», 2007. — 464 стр., ил.

**По благословению
епископа Васильковского Луки,
наместника Глинской пустыни**

Очередная монография историка Русской Церкви доктора исторических наук С. С. Бычкова посвящена жизненному пути исповедника и мученика архимандрита Тавриона (в миру Тихона Даниловича Батозского) (1898—1978). Ему выпало счастье быть участником почти всех основных событий Русской Церкви XX столетия. 19 лет его жизни прошли в тюрьмах, лагерях и ссылке. Он принимал участие в тайных выборах патриарха осенью 1926 года. Вскоре после освобождения из бессрочной ссылки в 1956 году стал настоятелем Глинской пустыни, в которой был воспитан с детских лет. Во время хрущевских гонений, служа в Уфе, противостоял закрытию храмов и был лишен регистрации. Патриарх Алексей I пытался хиротонисать его во епископа в разгар хрущевских гонений. Последние 10 лет жизни прошли в Латвии, где неподалеку от города Елгавы он служил духовником Спасо-Преображенской обители. Автор монографии неоднократно подолгу жил в обители, общаясь с отцом Таврионом. После его смерти собирал биографические материалы и свидетельства о жизни старца, которые легли в основу данной книги.

ISBN 978-5-7164-0564-6

© С. С. Бычков, 2007

© Издательство Sam&Sam, 2007

«...Иных мучили до смерти, но они отказались от свободы, чтобы обрести воскресение в лучшей жизни. Другие же испытывали на себе издевательства и побои, даже цепи и тюремные решетки. Их побивали камнями, перепиливали пилами, убивали мечами. Они скитались бездомные, одевались в овечьи и козьи шкуры, вели жизнь, полную лишений, гонений, страданий. Те, кого весь мир был недостоин, блуждали в пустынях, горах, пещерах и ущельях».

(Евр. 11, 35–38)

Икона Воскресения Христова, написанная архимандритом Таврионом. Находится в Спасо-Преображенско пустыни в храме Иоанна Лествичника

ПРЕДИСЛОВИЕ

Задача, которую я поставил перед собой, приступая к этой работе, — рассказать о жизни архимандрита Тавриона (Батозского) (1898–1978). Многие его ученики настаивали на скорейшей публикации накопленного биографического материала, но я отговаривался, ссылаясь на то, что внутренне не готов к этой работе. Многое останавливало — и необычность этого человека, и нетрадиционность многих его взглядов, и скудость фактов, и собственная моя немощь. Еще одним немаловажным препятствием было то, что говорить об отце Таврионе невозможно вне связи со многими важными событиями новейшей истории РПЦ, в которых он принимал активное участие. Он казался мне эпохой — а как описать ее, не имея под рукой ни фактов, ни должного мастерства, ни дружеской помощи? Именно поэтому в течение трех лет после его смерти я тщательно собирал материалы, готовясь к этому труду. Переворочил все свои дневниковые записи, просмотрел его многочисленные письма. Осталось немало аудиокассет с его проповедями. Я постарался расшифровать те из них, в которых он рассказывал о своей жизни. Вспомнил те беседы, в которых он повествовал о своих сподвижниках. По прошествии трех лет со дня смерти отца Тавриона я все же решился взяться за этот труд.

Перед моим взором во время работы стояли два новейших образца православной агиографии — жизнеописания старца Силуана, составленное иеромонахом Софронием (Сахаровым), и архиепископа Луки, осуществленное писателем Марком Поповским. Эти две книги вдохновили меня на труд, хотя, отдаю себе отчет, — не дерзаю равняться с ними. Основная цель, которая стояла передо мной — поведать о жизни и подвиге одного из новых российских исповедников. Пройдя тюрьмы и лагеря, будучи постоянно гоним, он оказался непосредственным участником тех огненных испытаний, которые постигли Русскую Церковь в первой половине XX столетия. Он свято хранил память о мирянах, священниках и епископах, погибших в тюрьмах и лагерях. Эти испытания переплавили многие его взгляды на миссию Церкви в обезбоженном обществе. И он не таил их в своем сердце. Он деятельно осуществ-

СТРАДНЫЙ ПУТЬ АРХИМАНДРИТА ТАВРИОНА

влял их в своем пастырском служении. Хотя служить и проповедовать ему пришлось во времена неблагоприятные. И все же он был не одинок — к нему приезжали поучиться не только московские священники, навещали и провинциальные пастыри. Но ни одному из них не удалось впоследствии пойти его путем. Были у него единомышленники и из монахов, но старого поставления.

Беллетризованная форма повествования мне ближе, поэтому прошу извинения у взыскательного православного читателя, если порою в жизнеописании архимандрита Тавриона отступаю от агиографических штампов. Работа над книгой, которую я затеял в начале 80-х годов, в один из самых трудных периодов моей жизни, вчерне была завершена к 1983 году. Я распечатал ее и раздал московским друзьям, а один экземпляр с оказией переслал в Латвию. Отзывы на книгу были в основном негативными. Многие считали, что в книге слишком мало уделено места отцу Тавриону и чрезмерно много — истории Русской Церкви. Иеромонах Алексей (Рискин), служивший в пустыньке диаконом у отца Тавриона в течение

Диакон Алексей Рискин. 1974 г.

года (ныне клирик Латвийской епархии), писал в отзыве: «Очень благодарен тебе за то, что после чтения твоего труда я живо вспомнил отца Тавриона. С общим направлением твоего труда я не могу согласиться. У тебя, мне кажется, нет достаточных документальных данных, чтобы так широко писать об истории Русской Православной Церкви. Желаю тебе освободить его от всего, что не относится прямо к теме, и от субъективных оценок и обобщающих определений, заняв более скромную позицию». С этими упреками трудно было не согласиться.

Священник Аркадий Шатов, с которым мы были дружны в те годы и который также бывал в

Священник Аркадий Шатов (второй слева) с прихожанами. 1979 г.

пустыньке у отца Тавриона, писал в своем отзыве: «1. Книга не совсем об отце Таврионе. Скорее, автор использовал этот образ, чтобы высказать свои соображения о положении нашей Церкви в XX веке. 2. Впрочем, этот прием вполне допустим. Однако раз не получилась книга о конкретном человеке, возникает ряд серьезных опасностей: 3. Если эта книга для «внутрицерковного» пользования, тогда не нужно ни беллетризации, ни упоминания автором о своих проблемах и состояниях (или свести их до минимума), а просто: история Церкви, ее проблемы на фоне замечательного монаха. 4. Однако, если эта книга (подобно книге Поповского) **для всех**, что более вероятно, следует быть крайне осторожным в оценках и выводах, ибо мы не вправе вводить в соблазн. <...> 8. Положительная черта книги — популярность ее изложения; тем более следует облегчить остроту оценок и предоставить читающему делать выводы самому. 9. Думается, в остальном полезность книги очевидна». Замечания отца Аркадия о первом варианте книги во многом справедливы. Тогда я еще не до конца осмыслил роль митрополита Сергия (Страгородского). Книга английского исследователя Уильяма Флетчера «Искусство выживания» и его взгляд на историческую миссию митрополита Сергия оказали тогда на меня

СТРАДНЫЙ ПУТЬ АРХИМАНДРИТА ТАВРИОНА

сильное воздействие. С другой стороны, отец Таврион был глубоко церковным человеком и не был пустынноиком. Он активно участвовал в жизни Русской Церкви. Поэтому странно и неправильно было бы отрывать его от Церкви или рассматривать его жизнь в отрыве от церковных событий. Русский церковный историк Василий Болотов говорит: «История идет синтетическим путем, анализа здесь сравнительно мало; она должна покоиться на свидетельствах очевидцев, ибо говорит о предметах существовавших. Поэтому историк-свидетель, не говорящий истины, приносит вред непоправимый, если только он единственный свидетель известного события»¹.

Почти одновременно с моей работой один из наших московских друзей, бывавший в пустыньке, под влиянием личности отца Тавриона решил создать собирательный художественный образ священника-подвижника, прошедшего через тюрьмы и лагеря. Его желание было вполне понятно и близко нам — ни Александр Солженицын в «Архипелаге ГУЛАГ», ни Варлам Шаламов в «Колымских рассказах» не поведали современникам о подвиге российского духовенства. К началу 80-х годов появились первые главы его будущей книги, которую он назвал «Отец Арсений». В процессе работы над художественной биографией он настолько вжил в образ, что многие непосвященные читатели приняли эту книгу за подлинное повествование о реально существовавшем подвижнике. В образ отца Арсения вплелись черты отца Тавриона, больше всего было взято от отца Сергия Мечева, а также последних оптинских старцев. Успех первых глав был настолько велик, что некоторые московские церковные историки предприняли документальные изыскания об отце Арсении, которые, увы, не принесли никаких результатов.

В начале 90-х годов первоначальный вариант книги увидел свет и сразу завоевал успех у невзыскательных читателей. При внешне благочестивой форме повествование грешит стилизованностью, сглаживая остроту жизненных конфликтов той жестокой эпохи, избегая изломов. Автор, используя сохранившиеся проповеди отца Тавриона, а также новые публикации о «мечевской» общине, продолжал дописывать новые главы. К сожалению, эта мистификация зашла настолько далеко, что даже ректор Свято-Тихоновского богословского института уверился в подлинном существовании отца Арсения. Хотя в предисловии не указано ни место служе-

ния в «одном из московских храмов», ни названия искусствоведческих работ, которые были якобы изданы им в дореволюционный период. Не приведено ни одного документа, ни одной фотографии. Лишь в последнем издании книги помещена фотография древнего старца В. В. Быкова, который якобы сохранил часть рассказов об отце Арсении. И все же книга «Отец Арсений» — талантливый апокриф XX столетия.

Трагические изломы церковной истории XX столетия до сих пор остаются неосмысленными. Но в начале 80-х годов оставались закрытыми архивы КГБ, (о возможной работе в них не приходилось и мечтать). Поэтому многие факты биографии старца приходилось восстанавливать или по отрывочным воспоминаниям современников, или же по скудным упоминаниям в его проповедях. А вскоре грянули «андроповские» гонения на Русскую Церковь, обыски и репрессии активных христиан, которым подвергся и автор этих строк. Работу над книгой пришлось прервать едва ли не на десятилетие, а саму рукопись припрятать в надежном месте. Возвратившись к работе над книгой об отце Таврионе в 2004 году, я понял — нельзя отказаться от современной истории Русской Церкви, поскольку он был не только ее активным участником, но и жизнь его стала ее органической частью.

Но и в эти тяжелые годы репрессий я продолжал собирать свидетельства о жизни старца. Появились новые дополнительные факты, проливающие свет на «белые пятна» в его биографии — в основном благодаря знакомству с замечательным человеком, москвичкой Ольгой Николаевной Вышеславцевой (1898—1995), которая в октябре 1958 года побывала в Глинской пустыни. Она тщательно собирала все воспоминания о монастыре и, узнав, что я пишу книгу об отце Таврионе, передала мне собранное. Я отдавал ей на отзыв написанные главы, которые сохра-

О. Н. Вышеславцева

СТРАДНЫЙ ПУТЬ АРХИМАНДРИТА ТАВРИОНА

нилились у меня с ее замечаниями. Наиболее ценными из комплекса документов и свидетельств, собранных Ольгой Николаевной, оказались воспоминания паломницы, монахини Киры из подмосковного Аносинского монастыря, об архимандрите Серафиме Амелине. Ценным свидетельством являются письма москвича Алексея из Глинской, которого хорошо знала и опекала Ольга Николаевна. Я до сих пор храню в сердце благодарность ей — она была настоящей христианкой, неутомимой молитвенницей, несшей свет окружающим. Ее отличали доброта, ясный и незамутненный взгляд на людей и мир.

Конфликт в Глинской между тогдашним наместником архимандритом Таврионом и братией монастыря освещен, но весьма своеобразно лишь в исследовании архимандрита Иоанна (Маслова), бывшего насельника обители. Архимандрит Иоанн, в миру Иван Сергеевич Маслов (1932—1991), пришел в Глинскую пустынь в 1955 году после службы в армии. В 1957 году был пострижен в монашество, а после закрытия монастыря в 1961 году поступил в Московскую духовную семинарию. В 1969 году закончил Московскую духовную академию и вплоть до 1985 года преподавал в Московской духовной школе. Свою докторскую диссертацию, которую защитить не успел, он посвятил истории Глинской пустыни. Ему удалось собрать немало уникальных материалов. Но свет она увидела лишь в 1992 году (краткий вариант), уже после его смерти. Расширенный был опубликован в 1994 году. Архимандрит Иоанн пытался представить послевоенную Глинскую пустынь идеальным монастырем. Описывая конфликт между наместником, архимандритом Таврионом, и братией монастыря, он сознательно исказил его суть. Непонятно почему, но он утверждал в своей работе, что в послевоенной обители сохранился прежний богослужебный строй, предписанный Афонским уставом, по которому монастырь жил до ре-

Архимандрит Иоанн (Маслов)

волюции. На самом деле были допущены значительные отступления — например, полуношницу уже не служили в 12 часов ночи. Архимандрит Таврион, став наместником, восстановил не только Афонский устав в обители. Служение полуношницы стало камнем преткновения и вызвало протест прежде всего пришлых монашествующих, незнакомых с прежним уставом обители. Видимо, архимандрит Иоанн считал, что является единоличным хранителем всех Глинских архивов и свидетелем последних лет обители. К счастью, сохранились другие воспоминания, в том числе инока Алексея, который поступил в обитель во время наместничества отца Тавриона. Эти воспоминания помогли восстановить подлинный ход событий.

Сам отец Таврион крайне неохотно вспоминал этот период. Его травили не только светские власти — один из иноков регулярно писал на него доносы. К счастью, сохранилась его «Записка о служении полуношницы». Духовник обители, влиятельный архимандрит Серафим (Романцов), ездил в Москву к всесильному тогда протопресвитеру Николаю Колчицкому, управляющему делами Московского патриархата, и в конце концов добился смещения отца Тавриона. После этого началась постепенная угасание обители. Это чувствовал и сам отец Серафим Романцов. Еще осенью 1958 года он ездил на Кавказ, присматривал кельи в горах, где монахи могли бы пережить «хрущевские» гонения. Глинским монахам покровительствовал епископ Ставропольский и Северо-Кавказский Зиновий (Мажуга), сам из глинских иноков, — впоследствии митрополит Тетрицкаройский. Я решил включить в повествование переписку одного из послушников Глинской пустыни, Алексея, с духовным другом, относящуюся к 1958–1959 годам. В книгу вошли и записки священника, жившего в Глинской в этот период. Этот комплекс воспоминаний ценен еще и тем, что авторы воспоминаний не симпатизировали архимандриту Тавриону и проводимым им переменам, поэтому эти воспоминания беспристрастны.

Постепенно мой труд стал приобретать соборный характер, как и полагается подлинному церковному деланию. Для меня это было знаком того, что работа эта действительно нужна. В 90-е годы я продолжил сбор материалов, изредка публикуя отрывки своих изысканий. Слишком многого не доставало. Только в 1992 году, преодолевая упорное сопротивление чиновников, я ознакомился в

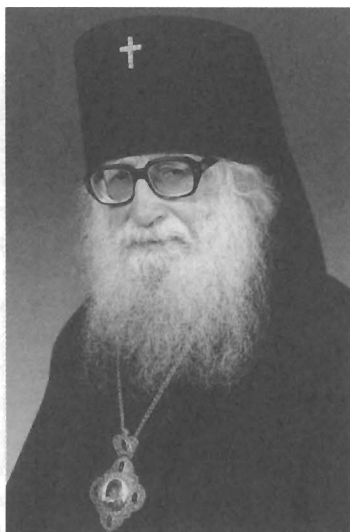
СТРАДНЫЙ ПУТЬ АРХИМАНДРИТА ТАВРИОНА

архивах КГБ с делом митрополита Сергия (Страгородского), неожиданно получив подтверждение рассказам отца Тавриона о его участии в тайных выборах патриарха осенью 1926 года. Подтвердился и его рассказ об участии в выборах двух москвичей — отца и сына Кувшиновых. Чуть позже я ознакомился с делом младшего — исповедника Ивана Кувшинова, отбывшего Соловки, затем вновь арестованного в 1931 году и расстрелянного тогда же по сфабрикованному делу «Истинного Православия». Те, кому приходилось работать с делами репрессированных, знают, насколько тягостно окунаться в беспросветный мрак тех страшных лет. Исследователь также знает, что не всегда можно доверять свидетельствам, запечатленным на страницах уголовных дел. И все же они являются порою единственным документом, из которого можно почерпнуть многое.

Долго я не мог ознакомиться с делом архиепископа Павлина (Крошечкина), которое хранится в архивах белорусского КГБ. Лишь в начале 2000 года с помощью полковника ФСБ Владимира Басика мне удалось побывать в Минске и изучить дело наставника отца Тавриона. Благодаря материалам этого дела удалось проследить трагический путь владыки Павлина, погибшего в Мариинских лагерях Кузбасса. На Архиерейском Соборе 2000 года архиепископ Павлин был причислен к лику святых как мученик и исповедник. Большую помощь в розыскании и знакомстве с уголовными делами 1929 и 1941 годов оказал бывший работник столичного архива ФСБ Александр Жадобин. Благодаря ему многие из «белых пятен» биографии отца Тавриона прояснились. Знакомство с этими делами замкнуло круг, и я принялся за работу. В 1998 году, к столетию со дня рождения архимандрита Тавриона, впервые был издан сборник «Три праведника», в котором проповеди старца предварены биографическим очерком. В 2002 году вышло в свет и второе издание «Трех праведников», дополненное и расширенное. И все же окончательно мне удалось приступить к восстановлению биографии отца Тавриона только весной 2004 года, когда был завершён второй том очерков по истории Русской Церкви с 1917 по 1941 год. Мне казалось, что сначала должен быть восстановлен и осмыслен подвиг российских новомучеников и освещена бесчеловечная борьба большевиков против Русской Церкви. Стремление уничтожить Церковь завершилось для них крахом, но удар, нанесенный Церкви богоборцами, а также соглашательская

политика митрополита Сергия (Страгородского) обескровили ее на долгие десятилетия. Важно было осмыслить этот период, особенно после распада СССР, который, подобно Атлантиде, теперь забыт и погребен. Многие реалии советской жизни, абсолютно непонятные для иностранцев, ныне столь же чужды и непонятны поколению россиян, выросших в уже демократической России. Немалую помощь в понимании ключевых фигур Русской Церкви оказали воспоминания ныне покойного архиепископа Василия (Кривошеина).

Порой работа над биографией архимандрита Тавриона напоминала труд археолога. Даже сохранившиеся его автобиографии мало помогали биографу. И это понятно — они писались для епархиальных архиереев, но всегда внимательно просматривались партийными и чекистскими чиновниками. Зная это, отец Таврион умалчивал о многом и был предельно краток. Два периода его жизни и служения остаются наименее освещенными. Первый связан с его пребыванием в Москве с 1922 по 1925 год. Это были наиболее бурные годы для Русской Церкви. Проживая в Ново-Спасском монастыре, отец Таврион тем не менее был тесно связан с Курском и близкой ему братией Глинской пустыни. Это было время постоянных разъездов, особенно в тот период, когда был освобожден из первого заключения епископ Павлин (Крошечкин). О многом из этого периода можно только догадываться. Второй период — с 1933 по 1948 год. Сохранились лишь фрагментарные воспоминания женщин (в первую очередь Анны Милениной), которые были арестованы вместе с отцом Таврионом по делу 1941 года. Немалую помощь оказала мне дочь Анны Николаевны Милениной — Вера Николаевна, живущая в Курске. Пришлось восстанавливать географию лагерей, где ему приходилось отбывать заключение. Лишь изредка, слушая чтение «Архи-

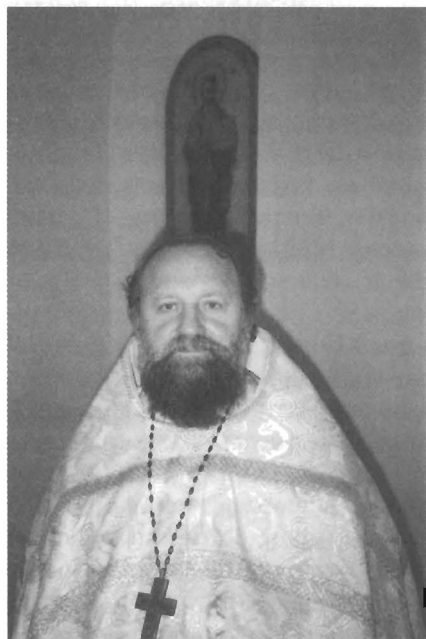

Архиепископ Брюссельский
Василий (Кривошеин)

СТРАДНЫЙ ПУТЬ АРХИМАНДРИТА ТАВРИОНА

пелага ГУЛАГ» по зарубежным радиостанциям, он вспоминал те или иные лагеря.

Весной 2004 года я заново пересмотрел все собранные материалы, включая архивные и воспоминания близких ему людей. Обратился и к тем текстам, которые были написаны мною в начале 80-х годов. Оказалось, что и они имеют свою ценность. За прошедшие двадцать с лишним лет после смерти отца Тавриона многие яркие подробности его служения стерлись из памяти, тогда как собранные и записанные по свежим впечатлениям, они прекрасно сохранились. Поэтому в корпус этой книги вошли несколько глав, написанных почти сразу после его смерти. Подробно описана попытка ареста отца Тавриона в 1975 году и провал дела, сфальсифицированного против него работниками латвийского и московского КГБ. Сначала 77-летнего старца несколько раз вызывали на допросы в Ригу, а потом вызвали повесткой в Москву. Многим, в том числе и ему, казалось, что он уже не вернется в пустыньку. После неудавшейся попытки ареста он еще три года прослужил в обители.

Игумен Евгений (Румянцев)

Благодаря усилиям игумена Евгения (Румянцева), одного из воспитанников архимандрита Тавриона, в течение многих лет собирались воспоминания священников, монахинь и послушниц, окружавших отца Тавриона после его освобождения из заключения. Они аккуратно пересылались мне. Немало потрудились инокиня Олимпиада Иус и Лидия Лузинс, умершая в 2002 году, оставшиеся с отцом Евгением в Латвии, в Елгаве, и после крушения СССР. Меня торопил не только отец Евгений, но и одна из наиболее преданных отцу Тавриону послушниц — Лидия Лях, живущая в Челябинске, но до сих пор постоянно навещаю-

шая могилу отца Тавриона в пустынке. Преданность этих людей памяти наставника, их самоотверженное служение Церкви и помощь игумену Евгению вызывают невольное уважение и восхищение. Они унаследовали всепобеждающую любовь ко Христу гонимому, которую сумел привить им отец Таврион.

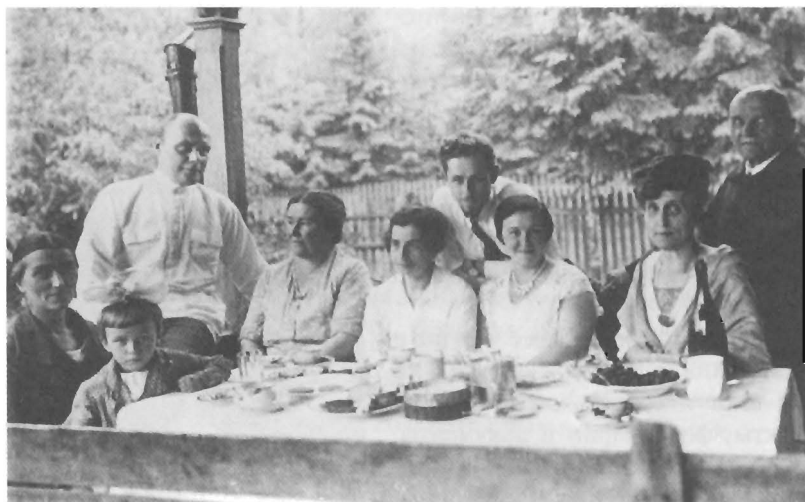
Если бы не их горячее участие и молитвенная поддержка, вряд ли бы смог я собрать столь ценные факты, фотографии и документы. Благодарю близких учеников старца: игумена Евгения (Румянцева), священника Владимира Вильгерта,

Инокания Валентина Пучкова

москвичку инокиню Валентину Пучкову, почившую в 1996 году, которая помогала отцу Тавриону еще в период его казахстанской ссылки. Особая благодарность епископу Пермскому и Соликамскому Иринарху (Грезину) и местному краеведу Виктору Королеву, издавшему в двух книгах следственные дела пермских исповедников («Простите звезды Господни» (Фрязино, 1999) и «Душу не погублю» (М., 2001), а также Валентине Александровне Костиной, собравшей и издавшей свидетельства о жизни и подвиге пермских исповедников и мучеников, за помощь в освещении пермского периода служения отца Тавриона.

С благодарностью молитвенно вспоминаю Марину Станиславовну Паутынскую (1897–1982), сестру супруги поэта Александра Солодовникова (1893–1974) Нины (1894–1976), — она оставила свои воспоминания об отце Таврионе. А также Марину Дмитриевну Дриневиц — она сохранила память о сестрах Мансуровых, основательницах Спасо-Преображенской обители. Будучи глубоко верующими и церковными людьми, прихожанами священника Ильи Четверухина, супруги Солодовниковы вместе со своими друзьями в 30-е годы XX столетия летом жили на даче в Пушкино, где встречались с сестрами Мансуровыми. Марина Станиславовна в те годы была сотрудницей музея Льва Толстого. Их уже нет в живых.

М. С. Паутынская (5-я слева за столом), второй слева —
Александр Солодовников. Пушкино. 1930 г.

Особая благодарность — доктору исторических наук, директору Государственного архива Российской Федерации моему другу Сергею Владимировичу Мироненко, который всемерно и самоотверженно помогал мне словом и делом во время работы над последним вариантом этой книги. Благодарю за помощь кандидата богословия Виктора Легу и его дочь Екатерину, а также наместника Свято-Успенского Липецкого мужского монастыря игумена Митрофана (Шкурина) за ценные документы, находящиеся в архиве Совета по делам религий. Сожалею о том, что не имею возможности поименно перечислить всех, кто способствовал моему скромному труду.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
<i>Глава I.</i> Первый приезд в пустыньку	17
<i>Глава II.</i> Начало жизненного пути	46
<i>Глава III.</i> Борьба за свободу Церкви (1920–1925)	78
<i>Глава IV.</i> Тайные выборы патриарха. Живой сорокоуст	98
<i>Глава V.</i> Наставник — архиепископ Павлин (Крошечкин)	131
<i>Глава VI.</i> Уход в «катакомбы»	170
<i>Глава VII.</i> В послевоенной Глинской пустыни	196
<i>Глава VIII.</i> Конфликт в Глинской обители	225
<i>Глава IX.</i> Новые гонения на Русскую Церковь	247
<i>Глава X.</i> Служение в пустыньке	274
<i>Глава XI.</i> Последние годы жизни	305
<i>Глава XII.</i> Заключение	331
Приложения	343
Примечания	393
Указатель имен	441
Список иллюстраций	456